

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПУЛЯ ДЛЯ КАРАТЕЛЯ

Александр
Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Пуля для карателя

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Пуля для карателя / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-098672-9

Лето 1944 года. Варшавское восстание тонет в крови. Головорезы СС и их приспешники беспощадно расправляются с бойцами народной армии и мирным населением. Посланная спасти руководителей подполья группа советских разведчиков погибает при невыясненных обстоятельствах. Майор СМЕРШ Иван Таврин расследует это происшествие и приходит к неожиданному заключению: группу уничтожил... ее руководитель, не вернувшийся из рейда. Теперь дело чести майора – не только выполнить задание погибших разведчиков, но и разыскать предателя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098672-9

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Пуля для карателя

Глава первая

Немцы в атаку валили толпой – возбужденные, нервные, с мучнистыми от страха лицами. Это было что-то новенькое, явно перенятое у советских солдат образца лета 41-го. Отчаявшиеся, потерявшие последние моральные ориентиры в этой безумной мясорубке. Они бежали плотно, стреляли из автоматов МР-40 и карабинов «Маузер» – все в одном флаконе: офицеры, рядовые, низовой командный состав. «Мышиная» униформа фельдграу солдат вермахта, петлицы артиллеристов, инженерно-саперных частей, руны «зиг» военнослужащих Ваффен-отрядов СС, петлицы с перекрещенными карабинами – отличительный знак коллаборационистов. Красноармейцы, прильнувшие к прицелам, недоуменно переглядывались. Не тот пошел немец – упростился, измельчал. Раньше берегли себя, в атаки ходили поодиночке, перебежками, прятались за танками и бронетранспортерами – а перед этим перепахивали советские позиции с помощью орудий и минометов...

Сегодня не было артиллерийской подготовки. Человек шестьсот вырвались из леса и устремились на прорыв. Вечер 2 сентября 1944 года, северо-восточные предместья Варшавы – правобережная часть. Слева – дома с облезлыми черепичными крышами, справа овраги, молодые дубравы. Все смешалось на городских окраинах. Красная армия вошла на отдельные улицы, но далеко не продвинулась. Немцы ожесточенно контратаковали, вводили в бой последние резервы. Мобильные танковые группы отсекали оторвавшихся от основных сил красноармейцев, сносили дома, где они занимали оборону. Сил для наступления уже не оставалось, войска переходили к обороне. Линия фронта на правом берегу Вислы менялась каждый день. Часть варшавского района Прага отбили у немцев – впрочем, незначительную, на основных улицах немцы закрепились и никуда не собирались уходить. Несколько потрепанных подразделений оказались заперты вблизи восточных предместий, у местечка Звановичи, и предприняли отчаянную попытку вырваться. До позиций немцев на западе – рукой подать, но там иссякли силы. А у советского командования не было ресурсов, чтобы сжать кольцо и добить окруженцев. Атака была внезапной, дерзкой. Складки местности и густая растительность позволили немцам приблизиться незаметно. И теперь они спешили преодолеть открытый участок. Но рота красноармейцев, усиленная взводом станковых пулеметов, не дремала. Разведка доложила о вероятных происках противника. И все же немцы удивили. Солдаты бежали, как на стометровом кроссе. Кто-то спотыкался, другие перепрыгивали через упавших, заполняли образовавшиеся пустоты. Вырвались вперед несколько человек, бросили гранаты. Взрывы прогремели перед бруствером, повалили бревна наката, не причинив существенного вреда.

– Не стрелять! – кричал командир роты капитан Милютин. – Не стрелять, кому сказано! Пусть поближе подойдут!

У многих не выдерживали нервы, открывали огонь. Разрозненно хлопали карабины. Но пулеметы на флангах пока помалкивали. Катилась, гремя и сквернословя, человеческая масса. Все, иссякло терпение, завелся трелью станковый пулемет. Вступили остальные элементы «оркестра» – затрещали карабины и автоматы ППШ. Ливень свинца смел первую волну, разбросал по трещинам и бугоркам.словно подавился полноватый гауптман, машущий «Вальтером», – побагровел, когда потекло из живота, хлопнулся лицом в траву. Живые по инерции продолжали бег, перепрыгивали через мертвых. До траншеи, растянувшейся по возвышению, оставалось метров тридцать. Окопы рыли впопыхах – никто не собирался сидеть здесь годами. Позиция удобная, с высоты открывался вид на окрестности. Подножие высоты усеяли тела в

«мышинной» форме. «Навалили кучу дерьма!» – злобно смеялись из окопов красноармейцы. Самые упорные продолжали рваться, а те, что не спешили умирать, залегали за трупами, вели огонь из укрытий. Раскалились кожуха пулеметов, кашляла боевая техника, глохла. Солдаты выбрасывали гранаты из окопов. Немцы лезли, не считаясь с потерями. Из десятка до окопов добежали двое. И те, и другие швыряли гранаты, позиции заволокло густым дымом. Бойцы капитана Милютина тоже несли потери. Захлебывались пулеметы на флангах. Справа в траншее уже давились в рукопашной, били кулаками, прикладами, саперными лопатками. Мелькали закопченные оскаленные лица. На помощь дрогнувшей пехоте Милютин ввел резерв – последнее отделение автоматчиков с ППШ. Они подтягивались с обратной стороны траншеи, резали свинцом тех, кто выбегал за «флажки». Бойцы воспрянули, стали теснить фашистов из окопов. Противник выдохся, у него кончались боеприпасы и моральный дух.

– За мной, сибиряки! – взревел капитан Милютин, уроженец далекой забайкальской деревни. – Добьем гада!

Бойцы выбирались из окопов, мчались вниз, крича что-то, отдаленно смахивающее на «Ура!». Немцы многих потеряли, но все равно их было больше. Впрочем, численное превосходство уже не играло роли. Деморализованные, исчерпавшие все возможности, они недолго оказывали сопротивление. Пустились наутек, спотыкаясь о трупы своих сослуживцев. «Смотри, мужики, как чешут! – смеялись им в спины красноармейцы. – Мы так быстро бегать не умеем!» Побитое войско терялось в складках местности, растворялось в лесу. Остались мертвые и раненые, многих из которых бойцы непринужденно добивали – не те условия, чтобы коллекционировать пленных. Сами потеряли многих – и это ожесточало. Солдаты возвращались в окопы, показывая кулаки притихшему лесу, волокли раненых. Стонал подстреленный в бок капитан Милютин, покрывался смертельной бледностью. Солдаты рвали на нем гимнастерку, прикладывали к ране скомканные бинты. Санинструктор роты погиб. Покрикивали выжившие командиры взводов, крыли матом провинившихся пулеметчиков. Поредевшая рота снова занимала оборону.

Из батальона прибыли две девушки-санитарки, подъехала полуторка с красным крестом. Раненых стаскивали к дороге. Многие по прибытии уже не шевелились – скончались от потери крови. Монотонно матерился какой-то боец, умолял «брatца Петруху» открыть глаза. Почему именно сегодня? Вроде и денек отменный, и по Европе шагаем, а не где-нибудь по Смоленщине с Брянщиной... Шустрые девчонки на скорую руку перевязывали раненых, передавали их солдатам, те грузили пострадавших в машину. Капитану Милютину оказали первую помощь, но тщетно, офицер затих после недолгой агонии, и горько расплакалась девчушка с лычками ефрейтора – возможно, у них что-то было...

От второй попытки немцы отказались. Сдаваться тоже не спешили, видимо, надеялись, что 19-я танковая дивизия в недалеком будущем осуществит контрудар «возмездия» и с триумфом вызовет из «котла». Но упомянутая дивизия завязла в позиционных боях. Трупы гитлеровцев после боя никто не считал – их было не меньше сотни. Рота автоматчиков потеряла полтора десятка убитыми и столько же ранеными. Потери тоже чувствительные, учитывая хронический недокомплект. Поскрипывали телеги, фыркали лошади – на подводах подтянулась похоронная команда, «погребальщики», как их называли в войсках. Работа у этой публики никогда не переводилась. В отличие от первых лет войны, науку освоили – обходились почти без задержек и извечного российского бардака. Впрочем, все зависело от числа потерь и наличия специальных команд. Неразговорчивые, с мрачными лицами, одетые в передники и резиновые перчатки, они перелезали с носилками через живых и брели к трупам. Автоматчики молча наблюдали, нервно выпускали дым махорки. «Погребальщики» извлекали из карманов убитых солдатские книжки, фотографии, письма с родины, черные пластмассовые медальоны (так называемые «смертники») с информацией о погибших. Снимали с людей часы, медали, нательные крестики, набивали этим добром вещмешки. Мародерство практически изжили

(расстрелы – неплохое воспитательное средство), личные вещи погибших относили старшему команды. Убитых по двое укладывали на плащ-палатки и забрасывали на подводы. По мере заполнения подводы увозили трупы – к местам захоронения, определенным командованием. Потом вышла заминка – «погребальщики» роптали, в их планы не входило избавляться от немецких трупов. «И куда вы столько настреляли, мужики? – бурчали они. – Нам же неделю таскать не перетаскать, а мы на это подписывались?» Солдаты из окопов огрызались, крыли матом похоронную команду. В боях не участвуют, еще и недовольны. Проблема решилась просто – с помощью радиации в блиндаже погибшего Милютин. Под грохот отдаленной канонады прибыли два трофейных трехтонных «Мерседеса», и шумливые красноармейцы стали стряхивать с них пленных солдат подразделения Ваффен-СС. Подобную публику обычно в плен не брали, но в этот раз что-то пошло не так – взяли. Возможно, за неимением других кандидатур. Оборванные, избитые, с запекшейся кровью на лицах, они с глухой ненавистью поглядывали на своих противников. От бывшего лоска не осталось и следа. Мундиры висели мешками, многие шлепали босиком. Под зычные крики пленные эсэсовцы стаскивали к придорожной канаве тела соотечественников, полностью заполняли ее, потом забрасывали землей...

– Толку от таких захоронений... – ворчал младший лейтенант, командир взвода, еще не свикшийся с мыслью, что остался жив (на подобных должностях больше двух боев не живут, а у него уже третий). – Чуть присыпят – и все. Потом стервятники слетятся, разворуют это добро, такая зараза пойдет...

– А это, товарищ Максимов, пусть у польских товарищей голова болит, – ухмылялся замполит Стадников. – Наше дело маленькое – накосить побольше. А потом уж пусть перезахоранивают, сжигают, если есть нужда...

– Зато оперативно стали работать... – пробормотал младший лейтенант, наблюдая, как мужики в окровавленных передниках перетаскивают через траншею последнюю плащ-палатку с мертвым баянистом Рылеевым. – Помните, товарищ старший лейтенант, что под Магнушевским творилось? Неделю тела не увозили – и наших там лежало вдоволь, и фрицев. Местность простреливалась с двух сторон – дурных нема, как говорится. Потом немцев вытеснили, наши пришли. Мама дорогая!.. Жара страшная – мертвецы безглазые, птицы все лица склевали, повсюду мухи, запах такой, что самому сдохнуть хочется... Наши ворон прогнали, так они расселись на ветках и смотрели, как их пищу собирают. Капитана перевернуть хотели, так у него нога отвалилась...

– Да тьфу на тебя! – рассердился замполит. – Поговорить больше не о чем, Максимов?

– Простите, товарищ старший лейтенант, – сконфузился взводный. – Накатывает иногда, представляешь, что и тебя вот так – волоком, да в подводу...

Наступали сумерки. Через час поле боя очистили, дышать стало легче. Остались бурые пятна – в траве, на листьях кустарника. На западе снова громыхало. На низкой высоте прошло звено советских бомбардировщиков, и через пару минут посыпались гулкие разрывы. Советскую авиацию встречала глубоко эшелонированная система ПВО, в Варшаве и ее окрестностях сконцентрировалось более полутора сотен зенитных орудий. Солдаты наострили уши, слушали...

Ситуация вокруг польской столицы для обеих сторон складывалась патовая. В окрестностях города, разделенного Вислой на две неравные части, скопилось громадное количество живой силы и техники. Левобережный центр пылал – немцы еще не подавили восстание, поднятое Армией Крайовой, уничтожали разрозненные очаги, попутно взрывая дома и ликвидируя мирное население. Все это безумие продолжалось больше месяца. Для советских войск ситуация со сложной скатывалась в критическую. 27 июля наступающие советские войска натолкнулись на оборонительный рубеж 2-й немецкой армии по линии Седльце – Бяла-Подляска. Бои протекали с переменным успехом, оборона держалась. Немецкое командование стянуло к Варшаве пять танковых дивизий, включая дивизии СС, – и нанесли контрудар, заставив

1 августа Красную армию перейти к обороне. 2-я гвардейская танковая армия подвергалась непрерывным атакам. Она уже подходила к варшавской Праге – восточному району города, – но из-за этих непрекращающихся атак была вынуждена отойти. Попытка взять с ходу правобережную часть провалилась. Дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия атаквали из района Праги. С севера наступала 4-я танковая дивизия, на востоке били в тыл дивизии «Викинг» и «Мертвая голова». И все же на отдельных участках фронта продолжалось наступление. 47-я армия 1-го Белорусского фронта весь август вела бои и кое-где пробилась к Висле. Практической пользы от этого не было, расширить плацдармы не удалось. В районе Прага армия нарвалась на укрепленные позиции и несколько раз пыталась их прорвать – после чего остановилась. Немцы собрали на правом берегу больше тридцати тысяч солдат, еще не потерявших боевой дух. Ими командовал прожженный спец – генерал танковых войск Дитрих фон Заукен. Советские войска несли потери, подкрепления не было, отстали обозы с боеприпасами, продовольствием, ГСМ. Наступление заглохло. Но и у немцев не осталось сил, чтобы оттеснить советские войска от польской столицы. Передовая представляла странное зрелище. Случалось, что соседние улицы были заняты враждующими сторонами, при этом и те, и другие оказывались друг у друга в тылу. Красная армия перенесла активность на юг от Варшавы – билась за плацдармы у Пулавы и Варки. Еще в конце июля войска 1-го Украинского фронта форсировали Вислу в районе Сандомира – почти в 200 километрах к юго-востоку от Варшавы. Такую же переправу осуществили у Пулав, захватив тактические плацдармы. Воодушевленная успехами Красной армии, Вислу пыталась форсировать 1-я Польская армия, но потерпела неудачу. 1 августа через реку в районе Магнушева переправились передовые отряды гвардейской армии Чуйкова – и там закрепились. Варшаву обложили с трех сторон. Но враг был силен, яростно сопротивлялся. В конце июля начальником Генерального штаба сухопутных сил вермахта был назначен генерал-полковник Гудериан и сразу отдал приказ держать до последнего рубеж на реках Висла и Сан. «Иначе докатимся до Одера и Эльбы, а это катастрофа!» – решительно заявил он. Немцы сопротивлялись, бросались в контратаки, благодаря чему им удалось избежать окружения северо-восточнее Варшавы...

Усилилась стрельба на западе. Отбомбившиеся пикирующие бомбардировщики «ПЕ-2» возвращались на дальний аэродром. Их осталось всего четыре (пятый, похоже, сбили). В районе Вислы поднимались густые клубы дыма. Тридцатитысячная группировка отбивала атаки и наносила контрудары. Рота погибшего капитана Милютина продолжала держать пустырь. Из расположения батальона подошли два тяжелых танка – КВ-85 и ИС-1, стали гнездиться, раздавливая траншею, а бойцы посмеивались – мол, пришли два слона в посудную лавку...

В блиндаже Милютина запищала радиостанция, через минуту оттуда выскочил радист, стал семафорить замполиту Стадникову, принявшему командование ротой. Замполит побежал в блиндаж, придерживая стучащий по бедру планшет. Он вернулся через пару минут, сообщил взводным новость: противник в районе парка Воцаны силами артиллерийской батареи и двух танковых рот пытается выдвинуться на восток, чтобы занять улицу Крачковскую, важную артерию в районе. Его слова подтверждали не столь отдаленные разрывы, уханье танковых орудий и черная дымовая туча, ползущая над крышами. От Звановичей до места прорыва – не больше полутора километров. Танки, насилу угнездившись, стали выбираться обратно, доламывая бревенчатый накат, выезжали в поле. Приказ сверху – наладить эффективную круговую оборону вверенного участка, но только силами пехотных подразделений, и при этом выделить два взвода на усиление улицы Выжутинской, выходящей на Крачковскую! Приказы противоречили один другому, но что поделаешь – война. Замполит чертыхался, бегал по окопам, пересчитывая людей. Маловато осталось, чтобы за Родину, да еще и за Сталина! Какого хрена эти немцы не могут успокоиться? Тридцать бойцов под командой младшего лейтенанта Максимова отправились колонной к городским предместьям. Прорыв был крайне нежелателен, он мог расчленил и без того слабую группировку. На «латание заплат» выступили и

другие части, били прямой наводкой полевые орудия, разнося малоэтажные здания и ликвидируя дороги. Через час в районе улиц Выжутинской и Крачковской шел уже полноценный бой с применением всех видов вооружений, кроме авиации.

На параллельной улице Скольня боевые действия не велись, но вся дорога, обставленная домами, затянулась дымом. Скольню контролировала Красная армия. Боеспособные подразделения ушли дворами, остались лишь посты и дозоры. С востока возникла небольшая колонна: зачехленная брезентом полуторка «ГАЗ-АА» и легкий бронетранспортер, облепленный пехотинцами в комбинезонах. На соседней улице все взрывалось, рушилось, а здесь было спокойно, если не замечать плотную дымовую завесу и дрожь земли. Машины объезжали обломки взорванных зданий, вывернутые с корнями деревья. Глухой взрыв в стороне – обвалилась часть стены, кирпичи высыпались на дорогу, и полуторка притормозила, стала сдавать назад. Броневику объехал машину, стал прокладывать дорогу в клубах дыма. Из развалин выбежал красноармеец с повязкой на рукаве, взмахнул рукой, требуя остановиться. Обрисовались несколько касок, стволы ППШ, нацеленные на колонну. Бронетранспортер послушно остановился, за ним и полуторка. С брони прыгнул лейтенант в комбинезоне, извлек сложенные бумаги, сунул патрульному. Сержант их бегло просмотрел, кивнул. Проверять содержимое полуторки постовые не стали.

– Дальше опасно, товарищ лейтенант... – Сержант втянул голову в плечи, когда просвистела мина и взорвалась в соседнем дворе с оглушительным треском. – Проедете два квартала, там еще наши, дальше будет школа... вернее, то, что от нее осталось, а за школой уже фрицы, у них там баррикада из трамваев и всякого мусора, хрен пройдешь... Зенитку выставили на прямую наводку, лупят по нашим...

– Мы знаем, сержант, спасибо, нас там ждут. – Лейтенант сложил бумаги, сунул в недра комбинезона и побежал к броневика. Его втащили наверх.

Колонна продолжала движение, максимально снизив скорость. Это был не самый респектабельный городской район. Мелкие предприятия, мастерские, бесхитростные дома для представителей рабочего класса. Здания в два-три этажа, многие разрушены, валялись вповалку деревья, столбы электропередачи, разодранные оконные и дверные переплеты. Из завалов торчали человеческие конечности. Не всегда удавалось убирать мертвых. В основном это делали местные жители – родственники, соседи погибших. Люди прятались по подвалам, по редким бомбоубежищам. Самые предусмотрительные заранее покинули город, рассеялись по окрестным лесам и поселкам. Уберечь братьев-славян от обстрелов и бомбежек удавалось не всегда. Впереди надрывался пулемет. Кто и по кому стрелял, непонятно. Впрочем, в данном ареале пока все было мирно. Колонна объезжала горы мусора, обломки мебели. Показалась вытянутая двухэтажная школа, в нескольких местах разбитая снарядами. В стенах зияли проломы, валялись парты, расколовшийся пополам глобус. Вдоль обочин прохаживались советские автоматчики – видимо, бывалые люди, уже не гнулись под минами и снарядами. Колонну ждали – на дорогу выбежал крепко сбитый офицер, укутанный в плащ-палатку, начал показывать знаками, что надо свернуть в переулок. Бронетранспортер с бойцами полковой разведки остался на дороге – лейтенант и его подчиненные задачу сопровождения выполнили. Полуторка въехала в переулок, протиснулась между покореженными стенами и через пару минут оказалась во дворе у скромного на вид костела. Водитель остался в кабине, пассажир прыгнул на землю. Жилистый сухопарый мужчина лет тридцати пяти, с коротким «ежином», он носил штатское (как, впрочем, и остальные члены группы) – брюки из грубой материи, сапоги, затертый пиджак, кепка со сдвинутым на лоб козырьком. За спиной болтался вещмешок и немецкий пистолет-пулемет «МР-40», повернутый стволом вниз.

– Здравия желаю! – протянул руку мужчина. – Капитан Ломакин, Алексей Борисович, зафронтовая разведка. Выполняем задание полковника Бурмистрова, разведотдел 47-й армии.

– Здравствуйте, капитан, – пожал руку встречающий офицер. – Майор Проничев, мы в курсе, ждем вас. У вас две группы?

– Так точно, товарищ майор, четверо с капитаном Каляжным, четверо со мной. В группах польские товарищи и наши разведчики, владеющие польским языком. До определенной точки на левом берегу идем вместе, дальше разделяемся – у каждой группы своя задача.

– Да, понятно, – сухо улыбнулся Проничев. – Желаю успеха. К сожалению, дальше – немцы.

– Нас обещали вывести к Висле в районе старой пристани...

– Обещали – значит, выведем, – хмыкнул майор, пожимая руку второму офицеру в штатском – тот спрыгнул с кузова и подошел пружинящей походкой. Он был ниже Ломакина, кряжист, имел открытое добродушное лицо. Впрочем, прохладный огонек в глазах присутствовал, добродушие было всего лишь маскировкой.

– Капитан Каляжный, Михаил, по батюшке Александрович, – представился второй офицер. – Надеюсь, вы знаете, товарищ майор, как нам выйти к Висле?

– Разумеется, товарищи офицеры, – кивнул Проничев, – маршрут обследовали дважды – вчера вечером и сегодня утром. Придется воспользоваться канализационной системой города – она давно не работает. Нам помог польский товарищ из Армии Людовой, до войны он работал инженером по подземным коммуникациям Варшавы и знает эти переходы, как свою расстрелянную жену. Ему можно доверять, человек проверенный, имеет к нацистам собственные счеты. Он ждет нас у колодца. Товарищ выведет вас к старой пристани, после чего вернется. Часть подземного пространства с водопроводом и канализацией немцы приспособили под свои нужды: прокладывают тропинки, чтобы отправлять диверсантов, используют шахты и коллекторы под склады и убежища. Но маршрут, проложенный товарищем Кыштовским, безопасен – это сквозная шахта, которая много лет не использовалась, и немцы про нее не знают. Когда выйдете к набережной, уже стемнеет. На старой пристани есть плавсредства, подберете нужное. Вы окажетесь в глубоком немецком тылу – дотошных проверок не будет. Как у вас с документами и немецким обмундированием?

– Есть два комплекта, товарищ майор, – сообщил Каляжный, – и документы на имя гауптмана Отто Зильберта и майора медицинской службы Генриха Рунге. Я знаю немецкий... – Каляжный со скепсисом глянул на Ломакина и добавил: – В отличие от Алексея Борисовича...

– Это правда, – смутился Ломакин. – Познания в немецком – на уровне средней школы. Так уж сложилось, товарищ майор, бывать в тылу у немцев пока не приходилось. Но остальные члены моей группы немецким языком владеют.

– Тогда вы станете потерявшим голос и оглохшим майором Рунге, – улыбнулся Проничев. – Контузия, проблемы с головой, почему нет? Направляйтесь на лечение в тыл.

– Разберемся, товарищ майор, – кивнул Ломакин и посмотрел на трофейные наручные часы: – Через час стемнеет, пора в путь.

– Тогда добро пожаловать в подземное царство, товарищи офицеры...

Пассажиры покидали кузов полуторки, подтягивали брюки и лямки вещмешков, заправляли штанины в сапоги, забрасывали за спины трофейные автоматы. Вместе с офицерами их было десять, в каждой группе – по пять человек. «Сборная солянка» – русские, поляки. Несколько опытных разведчиков, двое бойцов – из Армии Людовой, недавно преобразованной в Войско Польское, местные подпольщики-коммунисты, прекрасно знающие город. Эти люди понимали и по-русски, и по-немецки, их специально отбирали для важной миссии. Инструктаж не занял много времени. За домами неистовствовал пулеметчик (у него определенно сдавали нервы) – это не способствовало беззаботному пребыванию на свежем воздухе. Появился невысокий худой мужчина – упомянутый пан Кыштовский, провел беседу с офицерами, пока остальные курили под развалинами. Группа двинулась в путь под присмотром отделения автоматчиков. Половину квартала задворками – люди перебирались через битые стенные конструк-

ции, развалы мусора. Чугунная крышка колодца в глубине двора почти не выделялась. Трое автоматчиков выдвинулись дальше, залегли за перебитыми яблонями – до противника по прямой рукой подать. Пан Кыштовский ломиком поддел крышку, двое крепких мужиков оттащили ее в сторону.

– Ну, с богом, мужики! – напутствовал майор Проничев. – Не наш, конечно, метод – уповать на то, чего нет, но...

– А что, молитва лишней не будет, товарищ майор, – оскалился Каляжный. – Сами не оплошаем, и боженька не подведет... И вам счастливо оставаться, товарищ майор. Даст бог, еще свидимся...

Пан Кыштовский первым растворился в недрах подземелья. Поскрипывали скобы, вмурованные в кирпичную кладку. Ломакин дождался, пока тот спустится, переглянулся с Каляжным, глубоко вздохнул и скинул ноги в шахту...

Глава вторая

Тьма спустилась на Варшаву, когда сдвинулась крышка колодца, прикрытая жестью для маскировки. Возникла голова, затем плечи и все остальное. Смутный силуэт выскользнул из шахты, пробежал, затаился за бетонной плитой. Показался второй, примкнул к первому. Люди выбирались по одному, рассредоточивались на узком пяточке. С одной стороны возвышался забор, с другой – приземистое портовое сооружение. Невысокие деревья, городьба из плит. К ночи собрались облака, закрыли звезды. Дул ветер, и было слышно, как плещется вода. По макушкам деревьев плясали отблески пожаров. На западе что-то глухо рокотало. На востоке тоже было беспокойно – долетали раскаты, и явно не грома. В окружающем пространстве не было ни людей, ни источников шума. Люди выжидали, прислушивались. Закряхтел Ломакин, присоединяясь к польскому проводнику, который, вытянув шею, проник в пространство. К ним подполз Каляжный, пристроил автомат.

– Все, панове, вы на месте... – зашептал, коверкая русские слова, Кыштовский. – Это старая пристань, ее разбомбили... Немцы в стороне – на Шаволинской, а еще усиленные посты у мостов, но мы от мостов далеко... Здесь могут ходить отдельные патрули, а еще на воде катера – они иногда курсируют в городской черте... Подберете лодку там, внизу... – кивнул он. – Я их заметил еще вчера, есть целые посудины, и весла можно найти... Поймает патруль на воде – говорите, что вы с Засоля, оттуда плывете, вас течением снесло...

– Спасибо, товарищ, – поблагодарил Ломакин. – Ты молодец, дальше мы сами...

– Будьте осторожны, когда станете спускаться, – предупредил Кыштовский. – Тут парапет был, набережная в бетоне... Ваши бомбы бросали, когда немецкие катера стояли, – там все вот так... – широко развел он руками. Затем, пригибаясь, засеменил прочь – он сделал свое дело и мог удалиться.

Офицеры всматривались в темноту. Пройти по подземелью было просто. А вот дальше – уже сложнее.

– Ну что, в дорогу, капитан? – выдохнул Ломакин. – Двум смертям-то точно не бывать...

– Эй, народ!.. – Каляжный выразительно махнул рукой. – Спускаемся к реке. И не шуметь мне тут...

Люди выбирались из укрытий, перебежали. Остались во тьме посеченные осколками дерева. Старая набережная представляла собой унылое зрелище. Ранее закатанная в бетон, а ныне вздыбленная, перепаханная авиационными бомбами, она стала бы идеальной преградой для танков. Под наслоениями бетона плескалась вода. Зброшенная лодочная станция находилась справа – подойти к ней было проблематично. Спускались по одному, выверяя каждый шаг, проверяя на ощупь опорные поверхности. Каляжный вдруг охнул, замахал руками, пытаясь удержаться, когда из-под ног стал уплывать огрызок бетона. Ломакин метнулся к нему, схватил за шиворот и выругался:

– Мать твою, капитан, ты на чем там стоишь?!

– На марксистской платформе... – пошутил, отдуваясь, Каляжный. – На чем же еще? Говорили же мужики, молитва лишней не будет... Вынимайте меня отсюда, пока все кости не переломал...

Под сдавленные смешки офицера вытащили на ровное место. Люди перебежали дальше вдоль перепаханной снарядами набережной. Чуть правее обозначился вполне приемлемый спуск к воде. Просматривался уцелевший причал, несколько маломерных посудин, в том числе перевернутых. Из воды выступал остроконечный бак затонувшего военного катера – глубина не позволяла ему целиком уйти на дно. Офицеры снова спускались первыми.

– Стоять! Кто такие? – гортанно выкрикнули по-немецки.

Неприятностей не ждали – по крайней мере, сейчас. От перевернутого баркаса – он валялся на причале, словно кит, выбросившийся на берег, – отделились двое. В мутном зареве блеснули нашивки на петлицах – пехотная часть вермахта. Обычный патруль – и, что характерно, только двое. Они скинули с плеч автоматы, но окрик Каляжного на немецком остановил их:

– Отставить! – выкрикнул капитан. – Гауптман Отто Зильберт, отдел разведки 301-го пехотного полка! Возвращаемся с задания с польскими союзниками!

Можно нести любую чушь, лишь бы выиграть секунду-две, сократить дистанцию. Ничто не мешает офицеру абвера вырядиться в штатское, но все же... Дрогнули автоматы в руках, патрульные замешкались, а «незнакомцы» продолжили движение. Хорошо, товарищи сзади не открыли с перепугу огонь! Волнистая рукоятка ножа была уже в руке – Ломакин выдохнул, и тонкое лезвие без сопротивления вошло солдату под ребро. Он задрожал, выронил автомат, вцепился Ломакину в рукав. Тот не вырывался, всунул нож в человека до упора, провернул рукоятку – чтобы не вздумал взвыть. Рядом хрипел второй патрульный – Каляжный проводил зеркальную работу. У солдата подкосились ноги, он с шумным выдохом стал оседать. Ломакин выдернул нож, отпрянул. Двое незадачливых вояк рухнули одновременно.

– Браво, товарищи офицеры, – пробормотал за спиной сержант Замятин. – Вам бы в синхронном плавании участвовать...

Застыли, наострили уши. Тихо молился господу богу немногословный польский товарищ Матеуш Заремба – член подпольной организации, лояльной Советскому Союзу. Плескались волны у бетонных плит, плыли, покачиваясь, облака, словно переполненные пассажирами дирижабли. По воде доносился отдаленный гул – переправы через Вислу работали и в темное время суток.

– За работу, мужики, за работу... – забормотал Каляжный. – Алексей, переодеваемся... Остальные – тоже не стойте. Повязки – на рукава, дабы не было у господ немцев дополнительных вопросов. Ищите пригодное плавсредство. Трупы – в воду.

– Ага, где польские раки зимуют, – хмыкнул Замятин, хватая за ногу ближайшего покойника.

Но мертвые тела, брошенные в воду, отказывались тонуть. Они всплывали – то тянулись вверх скрюченные пальцы, то искаженные физиономии, бились о кромки плит, смещались по течению. Да неважно, кого удивишь в это сложное время парой-другой трупов? Офицеры начали вытряхивать плотно уложенное содержимое вещмешков, раздевались, натягивали полевую форму вермахта, любезно предоставленную разведотделом, а свое гражданское барахло утрамбовывали обратно. Остальные цепляли на рукава нашивки «Народове силы збройне» (NSZ) – прислужников гитлеровцев, уничтожающих польских антифашистов. Когда все переоделись, сразу кинулись выискивать подходящее транспортное средство. Вместительная широкая плоскодонка обнаружилась довольно быстро. Отыскивали весла, пару банок, чтобы вычерпывать воду (в днище имелась пробоина). Под весом десяти человек посудина опасно накренилась, но все-таки шла. Разведчики Замятин и Ложкин исправно работали веслами, синхронно погружали их в воду, размеренно дышали. Заремба, сидя на корточках, вычерпывал воду – это требовалось делать постоянно. Остальные боялись даже дышать и с опаской поглядывали на распростершуюся водную гладь.

Капитан Ломакин сидел на корме, поглаживал затвор трофейного автомата. Форма гауптмана была чертовски неудобной, давил воротничок, постоянно хотелось чесаться. Мимо лодки проплыл задранный «клюв» утопленного катера береговой охраны. В леере застряло тело члена команды – оно уже разложилось, но пока не собиралось отцепляться. Над водой копились клочья тумана. Видимость была неважной. Туман наплывал клубами, в разрывах поблескивала вода. С удалением от берега качка чуть уменьшилась. Люди молчали, настороженно смотрели по сторонам. Членов группы Каляжного Ломакин знал плохо – двое разведчиков, обладающих

навыками радиодола, двое местных подпольщиков, присягнувших на верность делу Ленина-Сталина – оба небритые, какие-то мрачные, потасканные. У Каляжного было собственное задание – проникнуть в северный район Варшавы Жолибож, связаться с местными товарищами и вывести из заблокированного района пару видных деятелей подполья, имеющих отношение к Польскому комитету национального освобождения. Деятели были авторитетные, имели влияние на значительную часть польского общества, и терять таких людей в клоаке Варшавского восстания советское командование считало неразумным. Поддержка местным населением наступающих войск была, мягко говоря, не тотальной. С самим Каляжным Ломакин пару раз пересекался, друзьями не были, но и не чурались совместных бесед с перекурами.

Восстание, поднятое Армией Крайовой по наущению лондонского правительства в изгнании, советское правительство демонстративно не поддерживало. Тому имела масса военных и политических причин. Повстанцы задыхались в заблокированных районах, гибли тысячами, и все их дело уже дышало на ладан. Но им удавалось оттягивать на себя серьезную группировку гитлеровских войск. С подавлением же восстания вся эта масса вояк, среди которых было немало коллаборационистов, усилила бы группировку на правом берегу, что серьезно усложнило бы взятие города. Поневоле приходилось налаживать контакты с повстанцами. Неделью назад для установления связи была сброшена парашютная группа разведотдела 1-го Белорусского фронта. В группе находились трое с радиостанцией. Один погиб по приземлении – наткнулся на клык арматуры, а когда стащили с него, он уже отдал богу душу. Группу словно ждали – не прошли и ста метров, как попали в засаду! Лейтенант Аксаков принял огонь на себя, отбивался, пока не кончились патроны. Радист скатился с рацией в ближайший разлом, и, пока товарищ сдерживал натиск эсэсовцев, отстучал в эфир радиограмму: все пропало, засада, прощайте, товарищи! Попадать в плен запрещалось категорически – видимо, последние патроны эти двое приберегли для себя... Переброска Ломакина – вторая попытка. От доставки по воздуху отказались и решили объединить две группы – с условием, что на левом берегу их пути разойдутся. Пан Заремба и пан Пшиговский, идущие с ним, ранее входили в состав Армии Людовой и сохранили связи с товарищами, которые обещали свести «засланцев» с руководителями восстания. Оба скромно помалкивали в компании советских «попутчиков». Лысоватый Заремба монотонно вычерпывал воду, сидя на корточках под ногами разведчиков. Пан Пшиговский, обладатель роскошных усов и простодушной физиономии, любитель поболтать, и даже по-русски, сегодня словно в рот воды набрал. Поговаривали, что он родом с Белостока, натерпелся от бандеровцев, что под корень вырезали его семейство, воевал в советском партизанском отряде, потом кочевал по польским подразделениям, верным Польской рабочей партии...

Лодку вынесло на стремнину. Ее сносило течением – приходилось активно работать веслами. Завихрения тумана стелились по воде. Справа и слева выплывали из дымки очертания монументальных мостов через Вислу. Немецкие войска их активно использовали – переправляли на правый берег технику и подкрепление, вывозили раненых и убитых. Переправы охраняли зенитные батареи, вокруг мостов сосредоточилось большое количество техники. Советское командование не предпринимало попыток уничтожить мосты – хотя в техническом плане это сделать было несложно, – они явились бы неплохим подспорьем наступающим войскам. Немцы тоже не спешили избавляться от этих инженерных объектов, не утрачивая пока надежду удержать город. Взорвать никогда не поздно. У высших офицеров советской разведки давно роились подозрения, что мосты давно заминированы, и немцы только ждут, когда по ним пройдут на запад последние солдаты. Косвенная информация эти опасения подтверждала...

В дымке возникал высокий левый берег. Когда-то красивый европейский город, с повышенным содержанием архитектурных шедевров на единицу площади, с чудесными храмами, парками, университетами, – сейчас он практически весь лежал в руинах. Третью городских строений немцы уничтожили до восстания. В течение последнего месяца бомбами и снаря-

дами снесли еще треть. Многие улицы полностью лежали в руинах. Дома сжигали, разносили минами, кромсали из орудий. То же самое творили с населением – даже тем, что не участвовало в восстании и не оказывало помощи мятежникам. Над центральными кварталами и Старым городом висела гаревая дымка, даже ночью хорошо заметная. В темноте сверкали вспышки, доносились раскаты – в глубине кварталов шел бой. Горели дома в районе Жолибож на севере, что-то взрывалось на юге – в районе Мокотув, протянувшемся вдоль левого берега Вислы. Мерцало зарево над отдаленными районами Воля и Охота – там повстанцев окружили давно, но до сих пор не могли с ними сладить...

Из кудрей тумана вылутился перевернутый баркас с разбитыми бортами и устремился наперерез лодке! Каляжный тревожно вскрикнул, и гребцы тут же среагировали – с натугой загребли в обратную сторону. Лодка встала, преодолев инерцию. Баркас проплыл мимо, едва не зацепив нос посудыны, и растаял, как «Летучий голландец». Проплывали невнятные предметы малых форм, один из последних ткнулся в лодку, и сержант Ложкин отпрянул, чуть не выронив весло: на него скалился мертвец, с которого фактически слезла кожа, костяшки пальцев царапали борт – словно этот тип в разорванном мундире мышинного цвета просил подвезти...

Сноп света озарил лодку с пассажирами! Еще один «Летучий голландец» – на этот раз вооруженный до зубов и крайне опасный – вырос из мрака. Он словно таился в глухой зоне – никто не слышал работу двигателя. Или немец вовремя погасил мотор, чтобы не спугнуть добычу...

– На месте! Сушить весла! Кто такие и куда направляетесь?! – прогремел усиленный динамиком голос, и борт военного катера чуть не ткнулся в утлую лодчонку!

Выдержки хватило даже польским товарищам, у которых не всегда было ладно с хладнокровием. Заскрипел поворотный механизм прожектора. Люди щурились, отворачивались от яркого света. Гребцы с недовольными минами вынули весла из воды. У ограждения на борту стояли несколько военных с автоматами. Отливалась кокарда на фуражке с задранной тульей.

– Уберите свет! – недовольно выкрикнул Каляжный, приподнимаясь на банке. – В чем дело, господа военные? Мало того, что нас отправили из Засоля на какой-то консервной банке, что нас промурыжили до последнего, что мы едва не перевернулись... – Он побагровел, закашлялся, талантливо изображая негодование. – А мы, между прочим, везем контуженного майора медицинской службы, к тому же я, гауптман Отто Зильберт, имею срочное донесение полковнику Раухману в штаб 19-й дивизии!..

Щелкнул механизм, свет притух.

– Просим прощения, герр гауптман, – произнес командир речного патруля. – Но мы выполняем свои обязанности. Лейтенант Цинклер, 2-й батальон береговой охраны. Кто эти люди с вами?

– Это польская полиция, их дали нам в сопровождение. – Выговор Каляжного был безупречен. – Вот мои документы, лейтенант, – привстав, протянул он бумаги, которые тут же забрали. – Здесь же документы майора Рунге. Можете убедиться – он вряд ли в состоянии что-то отвечать.

Внешний вид «майора Генриха Рунге» действительно сильно удручал. Ломакин облокачился на борт, свесил голову. По щекам расплзалась смертельная бледность, глаза блуждали.

– Хорошо, герр гауптман, мы вас поняли, – сказал Цинклер, возвращая документы. – Надеюсь, господин майор не сегодня завтра вернется в наш лучший из миров и продолжит нести службу на благо великой Германии.

– Все в порядке, лейтенант? – ворчливо бросил Каляжный. – Мы можем продолжать наше затянувшееся путешествие? Или вам потребуются документы наших польских помощников?

Ответ на вопрос повис в воздухе. «Польские помощники» демонстрировали полную невозмутимость. Польский коллаборационизм – явление, к сожалению, массовое и беспощадное. По каким-то своим «скрижалям» немцы не считали поляков неполноценной расой, осо-

бенно жителей северных областей – пусть даже они и славяне. Сотрудничество с гитлеровским режимом всячески приветствовалось. Работаешь на немцев – сойдешь за своего. Воеешь с немцами – тогда, конечно, пуля или веревка (лучше последнее, как наименее затратное удовольствие).

– Не надо, герр гауптман, мы видим, кто это такие, – с важностью отозвался Цинклер. – Можете продолжать свое путешествие. Хайль Гитлер! Доплывете до берега? Нет нужды брать вас на буксир?

– На буксир не надо. А тем более на abordаж... – пробормотал по-русски Каляжный, когда военные удалились с палубы катера, а суденышко стало отдаляться. Лодка закачалась на набежавшей волне. Гребцы спохватились, схватились за весла.

– Ну, надо же, товарищ капитан... – выдохнул с облегчением сержант Ложкин. – Вы прямо виртуоз по введению в заблуждение... И о чем же вы трепались с господином офицером непобедимой германской армии?

– Да так, за жизнь, – усмехнулся Каляжный. – Много будешь знать, скоро состаришься, Ложкин. Налегай на весла, нам еще плыть да плыть.

– Вот черт... – вышел из оцепенения Ломакин. – А ведь реальный был столбняк, товарищ Каляжный... Кровь от лица, и словно в каторжные колодки заковали... Только сижу и думаю – успею полоснуть из автомата?

– Еще как бы успели, товарищ капитан, – рассудительно проурчал один из спутников Каляжного. – А вы бы не успели – так мы рядом, верно, Михаил Александрович? В два счета смели бы эту компанию с палубы, захватили бы катер, и все дела. И дошли бы до места с полным комфортом...

Люди оживились, посмеивались. Лодка резво побежала к левому берегу. Подрастали руины и уцелевшие жилые здания. Просматривались зенитные батареи в районе раскуроченных набережных, затопленная баржа у самого берега.

– А что, нормальная смена обстановки, скажите, товарищ капитан? – бухтел словоохотливый Ложкин, сдувая бусинки пота со лба. – На земле, в небесах и на море, как говорится... А опасно – так где оно не опасно? Уж всяко лучше, чем по лесам слоняться да обстановку изучать. Всю неделю, блин, слонялись. А что хорошего в этих лесах? Только комары да немцы... Товарищ капитан, вы уж манипулируйте нами, – опомнился боец, – куда плыть-то? Берег рядом. Справа немцы, слева немцы, а удача – она штука очень капризная...

– Давайте за баржу, мужики, – первым среагировал Ломакин, – там немцев быть не должно, складская часть гавани, ее наши утюжили особенно старательно...

В паре кварталов от реки ухнул мощный взрыв. Огненный шар взвился в небо и лопнул как мыльный пузырь. Падали стены, катились кирпичи, доносились крики людей, сливающиеся с перестуком автоматов.

– Вот же, матка-боска, что творят, пся крев их в душу... – путая русские и польские ругательства, пробормотал пан Пшиговский. – Там же Старый город, Ерузалимский парк, улица Светоянска – а ведь была когда-то красой Варшавы... Там собор Святого Иоанна, иезуитская церковь Нашей дамы Милосердной...

– Да ладно тебе о боге, товарищ, – проворчал Замятин. – Люди там гибнут, людей жалко...

– Так как же без бога... – сокрушенно вздохнул Пшиговский. – Не будет бога – так и людей не будет...

– Ладно, отставить, – шикнул на них Ломакин. – Вы тут еще теологические споры затейте, они так нужны сегодня... Мужики, осторожнее, там же винт у этой баржи, она же самоходная...

А вот последнее предостережение было не лишним. Баржа ушла ниже ватерлинии и встала, упершись в дно. Вода заливала внутренности судна сквозь пробоины в ржавых бортах. Лодка опасно приблизилась к кормовой части. Замятин вынул весло из воды, Ложкин

налег на свое – и все же маневр не успели проделать. Затрещало под днищем – так пронзительно, душераздирающе! Рвалось прогнившее дерево. Словно на клык подводной скалы насадили лодку! Но усилием гребцов она съехала с препятствия, закачалась. Вода хлынула в дыру! Гребцы ругались, яростно работали веслами. Снова всех смешил сержант Ложкин: самое время купаться, плескаться, нырять, кувыркаться... Шипели офицеры: быстро к берегу, пока совсем не развалились! Заремба, не спать, отчерпывать воду! А вы, товарищи бойцы и товарищи поляки, какого хрена уставились, как на новые ворота? Тоже отчерпывайте! Да плевать чем, хоть руками!

Лодка на глазах погружалась в воду. От взрыва рухнуло строение, стоявшее наверху, и разлеглось у воды составными конструкциями. Успели в самую тютельку! Когда нос лодки уткнулся в берег, борта уже скрылись под водой. Люди спрыгивали на камни, выбрасывали на берег оружие, вещмешки, сами перебирались под защиту парашюта. Досталось радисту Быкову – подчиненному Каляжного. Товарищи ухмылялись: молодец, Коляша, сам погибай, а рацию выручай. Но если выяснится, что в ней что-то сломалось, – тогда будь готов, как юный пионер...

Их появление на берегу не привлекло ничего внимания. Звуков в ночи хватало, но это там, далеко. Ломакин выудил из недр вещмешка сложенную карту, развернул под мглистым светом фонаря. Карта во всех подробностях рисовала левобережную часть Варшавы и фрагмент района Прага. До Жолибоя, куда направлялся Каляжный, было километра два вдоль Вислы. До улицы Белобожеской в местечке Повислы, где верные люди ждали Ломакина – тоже километра два, только в другую сторону. Подполз Каляжный, уткнулся носом в карту.

– Представляешь, куда идешь, капитан? – спросил Ломакин. – А то глупо погореть по незнанию – как ни крути, большую часть пути отмахали.

– Не совсем, – признался Каляжный. – Но мои люди знают. Смотри сюда, Алексей, – ткнул он пальцем в карту, – вот здесь, в пятидесяти метрах от реки, тянется дорога, но сейчас она разрушена и немцами не используется. Вот здесь путепровод, пара небольших заводиков – и линия теплотрассы вдоль дороги. Фактически это канава, заваленная разным дерьмом, из которой легко смыться. До теплотрассы идем вместе. Потом тебе на юг, мне на север. Ночь, учти, недолгая, до рассвета часа четыре. Попадемся немцам – хреново. Попадемся повстанцам – тоже ничего хорошего. Не любят они нашего брата – они англичан любят, французов, американцев, свое родное правительство Миколайчика, которое сунуло их в это дерьмо. И при этом считают, будто мы им чем-то обязаны. Советский Союз – это зло, но он обязан им помогать. А с каких, простите, борщей?

– Да все понятно, – махнул рукой Ломакин. – Миколайчик решает свои проблемы, отправляя на смерть собственных соотечественников. Но им разве объяснишь? Красная армия стоит, любит, как фрицы топят восстание в крови, – значит, Красная армия такая же фашистская. А то, что мы людей теряем миллионами, что воевать нечем, обозы непонятно где, – их не волнует. Злые они на нас. И на своих же – из ПКНО, Армии Людовой – чертовски злые... А мне придется вести с ними переговоры, – криво усмехнулся Ломакин, – проявлять дипломатическую чуткость и изворотливость, так сказать. Ладно, Михаил, отдохнули, и будет, пора выходить...

К ночи оборвались обстрелы и погромы мирных кварталов. Над польской столицей висела какая-то неустойчивая тишина. Люди перебегали по каменному путепроводу, ныряли в мешанину труб и бетона.

– Ну все, прощаться не будем, – прошептал Каляжный, приседая на корточки, – а то дурная примета, говорят. Пока, Алексей, скоро встретимся. Удачи, мужики...

Первая группа уходила на север, терялась за изгибами теплотрассы. Ломакин нервно курил в рукав, провожая их глазами. Его люди рассредоточились рядом, настороженно водили головами. В этом городе никому нельзя доверять. Любая встреча могла закончиться непредсказуемо. Поколебавшись, он начал стаскивать с себя форму немецкого майора – это явно красная

тряпка для быка, извлек из вещмешка свою гражданскую одежду, а обмундирование ногами утрамбовал под камни. Остальные терпеливо ждали, пока он наиграется в свои «маскарады».

– Ну и что мы тут предстали, как в цирке? – недовольно спросил Ломакин, завершив преобразование. – Снимайте свои фашистские повязки – пусть гадают, кто мы такие. Замятин, в головной дозор! Ложкин, будешь прикрывать нашу ходьбу! Пан Пшиговский, пан Заремба, почему приуныли, братцы? Радоваться надо – вон какой путь проделали. Готовы к новым прогулкам?

– Рацию сами потащите, товарищ капитан? – полюбопытствовал Замятин.

– Сам поташу, – вздохнул Ломакин.

Глава третья

Улица Маршаллова начиналась в ста метрах от реки и тянулась до района Воля. Кто контролировал ее на всем протяжении, неизвестно. Но в окрестностях Вислы это были немцы. Группа потеряла минут десять – успели нырнуть всем скопом в воронку от снаряда. По расчищенной бульдозером мостовой шла немецкая колонна. Ревели натруженные моторы, лязгала бронированная сталь. Протащились две пыльные «Пантеры», раскатывая в лепешку огрызки труб и волоча за собой листы жести. Затем проследовали два грузовых «Опеля Блиц» – машины явно бывалые, повидавшие виды, что касалось и их пассажиров. Над бортами покачивались, отбрасывая матовые отблески, солдатские каски. Люди молчали, у некоторых белели бинты. За грузовиками прошел восьмиколесный бронеавтомобиль «Пума», за «Пумой» – легкий штабной «Кюбельваген» – на пассажирах красовались офицерские фуражки. Замыкала колонну самоходная артиллерийская установка «Ягдпантера», за которой волочился прицеп. Колонна проследовала мимо перекрестка с Маршалловой, отправилась дальше – к пересечению с улицей Мировской. Там что-то назревало. Техника разворачивалась, уступала дорогу самоходке. Последняя, рыча, как мастодонт, въезжала на узкую улочку. Под гортанные команды солдатня выпрыгивала из грузовиков. Лязгали гусеницами танки, тоже давили раскученную булыжную мостовую. По-видимому, улочка нуждалась в срочной ночной зачистке.

Ломакин кусал губы и нервно поглядывал на часы. Разведчики выползли из воронки, распростерлись на краю. Долго ждать не пришлось: со стороны Мировской захлопали выстрелы, их перебила трескотня «МР-40», автоматы перекрыл ржавый перестук «костореза» – вездесущего немецкого пулемета «MG-42».

– Кого-то повстречали, черти, – криво усмехнулся Замятин. – Будут теперь их из зданий выцарапывать...

Словно подтверждая его слова, гавкнула «Ягдпантера», заработали танковые орудия. Здание рассыпалось как картонный домик. Ломакин сбросил оцепенение, раздраженно мотнул головой, снова уставился на часы. Ночь, однако, не вечная. Бойцы просочились на Маршаллову улицу, прижались к фундаменту. Замятин впрыскав отправился дальше, добрался до угла, махнул рукой. Потянулась человеческая змейка. Между домами – свободное пространство, там сделали еще одну передышку. Ломакин свалил с плеча увесистую рацию, отдышался.

– Далеко идти, товарищ капитан? – спросил Ложкин.

– А это у польских товарищей выясняй, сержант, – пробормотал Ломакин. – Напомните, пан Заремба, если не трудно.

– Три квартала по Маршалловой... – на правильном русском, но с сильным акцентом отозвался Заремба. Он нервничал, постоянно промокал плешь какой-то грязноватой тряпочкой. – Дальше поворачиваем на Новогродскую. Еще три квартала...

– Ты уверен, что там нет немцев?

– Там есть немцы... – Заремба поежился. – Я почти уверен, что они там есть... Нам нужно здание 34...

– Здание могли разрушить, – резонно возразил Ломакин, – людей – расстрелять, бросить в кутузку, выселить из района...

– Нет, это невозможно... – пришел на помощь товарищу Пшиговский. – Это большой каменный дом, шесть этажей, просторные квартиры... В здании 36-е районное отделение полиции и немецкая жандармерия – поэтому соседние дома они не будут разрушать... Наш связник – Манфред Завадский, 20-я квартира. Он служит в полиции порядка, это хорошее прикрытие... Не смотрите так на меня, товарищ Ломакин, пан Завадский хороший человек, к тому же умеет втираться в доверие. Сам он не участвует в карательных операциях, это делают другие службы. Задача его людей – стоять в оцеплении, вытаскивать пострадавших из-под завалов,

организовывать движение транспорта... Когда авиация разбомбила по ошибке офицерский госпиталь, его подчиненные двое суток разбирали завалы... Пан Завадский лично выводил в безопасное место знакомых евреев...

– И этот замечательный человек готов сотрудничать с Советским Союзом? – недоверчиво спросил Ломакин.

– На самом деле... не знаю, – смутился Пшиговский. – У него брат считается мертвым, а на самом деле он живой и под другой фамилией служит под началом генерала Тадеуша Коморовского... По нашей информации, они не готовы сей же час рухнуть в объятия Советского Союза, присматриваются к обстановке, но могут быть посредниками в контактах руководства восстания и советскими структурами...

– Лицемеры! – фыркнул Замятин. – Их так называемое лондонское правительство в мясорубку бросило – и помощь им не оказывает, только смотрит, как их месят. И союзники делают вид, что ничего не происходит. Кому эти встречи больше нужны, товарищ капитан, – нам или им? Для нас это просто подспорье, можем и сами справиться, для них – вопрос жизни и смерти...

– Ладно, оставим обсуждение насущных политических вопросов, – поморщился Ломакин. – Надеюсь, нам удастся проникнуть на эту улицу и в этот дом. В крайнем случае, выманит пана Завадского... – Он прислушался к выстрелам на соседней улице. – Пора уходить с этой улицы, пойдем дворами, а то лихо совсем рядом... Ложкин, ну тебя, на хрен, сам тащи эту рацию, надоела уже...

Очередь прогремела из чердачного окна двухэтажного барака, когда они перебежали двор! Повсюду темно, пару раз выходила луна, но быстро пряталась, а зарево пожарищ – не бог весть какое освещение... Охнул Заремба, повалился навзничь, остальные бросились враспынную, падали кто куда – за камни, за поваленные деревья. Кто стрелял? Почему именно в них? Или в этом городе так принято – стрелять во все, что бежит? Открыть ответный огонь не успели. Кто-то ногой отбросил крышку люка на чердаке, слетел вниз, со звоном разбилось стекло, и стрелок вывалился из окна с обратной стороны барака. Он был один, убежал как заяц. Шустрый Замятин опрометью бросился за угол, но вскоре вернулся, расточая проклятья – ушел, гад! Очередь из пулемета не вызвала волну. Не набегаясь по огромному городу из-за каждого выстрела. Зарембу за ноги вытянули с открытого места, затащили в кусты недалеко от разбитой детской площадки. Ему крайне не повезло. Он хрипло дышал, выгибал спину, из горла шла слюна с кровью. Очередь пропорола правый бок – сразу не убила, но и шансов не оставила. Бойцы мрачно смотрели, как их товарищ беспомощно шамкает ртом, выражая какую-то важную мысль. Хуже не бывает, когда человек умирает, находясь в сознании, – и при этом ясно отдает себе отчет, что умирает...

– Святой Иисус, помилуй и спаси, заberi его душу... – забубнил Пшиговский, яростно крестясь. – Может, и к лучшему, что долго не мучился и нас не мучил... Вот, пся крев, нельзя так говорить!..

– Пан Пшиговский, кто его? – пробормотал Ложкин, моргая в темноту. – На нас нет никаких опознавательных знаков. Что за хрень – стрелять в первого встречного?

– Идем в штатском, вооружены, без отличительных знаков, – пояснил Ломакин, – значит, мы повстанцы, местные, кто еще...

– Снайперы-одиночки бродят по городу... – прошептал Пшиговский. – Здесь много фольксдойче – тех, кто за нацистов горой, много тех, кто ненавидит поляков – есть азербайджанские батальоны СС, украинцы с Галичины – эти вообще не могут равнодушно пройти мимо поляка... Есть мерзавцы из РОНА Бронислава Каминского, батальон «Дирлевангер», куда набирают всякую мразь, там до хрена фанатиков, которым нужно постоянно убивать... Святая Дева Мария, что нам делать с паном Зарембой, товарищ офицер? Мы не можем его здесь бросить...

– Однако придется это сделать, – вздохнул Ломакин. – Нам негде его похоронить, и с собой брать нельзя. Пан Заремба нас простит... Все, товарищи, за мной, уходим...

Продолжались перебежки по ночному городу. Они обходили шумные места, крались дворами, обогнули Готлибский сквер, пропитанный сладковатым удушливым запахом. Мрачные тени скользили навстречу – из района, над которым зависло багровое зарево. Это были горожане, сумевшие выбраться из заблокированных районов. Там зверствовали каратели. Пожилые люди волокли тяжелые чемоданы, плакали дети, брели, ссутулившись, женщины в платочках и каких-то странных беретах.

– Панове, панове... – бормотала худая, как штык, особа, обливаясь слезами, и тянула к мужчинам руки. Кинулась к Пшиговскому, каким-то странным образом опознав в нем соотечественника, что-то говорила, проглатывая слова.

Пшиговский догнал группу, когда они свернули за угол барака. Под ногами хрустели стекла, пахло гарью.

– Они из местечка Топель бегут, товарищ капитан... Это в трех кварталах, туда, – махнул он рукой. – Нам как раз через этот район нужно пройти... Раненых бойцов из отряда полковника Прилепского туда привезли – там больница сохранилась... Карателям кто-то сдал, окружили квартал, и давай жечь дома и расстреливать людей. Никого не щадили, ни женщин, ни стариков... В больницу ворвались, в раненых стреляли – еще и состязание устроили, сволочи, кто больше за минуту настреляет... Вырвались несколько десятков гражданских, их наши парни прикрыли, но все, наверное, погибли... Это «Дирлевангер», зондерполк СС, там отъявленные сволочи служат – и не только немцы, но и русские, украинцы, белорусы... Нужно сворачивать, пан офицер, обойти кварталы – потеряем полчаса, ничего страшного, зато целыми будем. Эти знают, что часть населения вырвалась, кинутся вдогонку...

– Идем как шли, – скрипнул зубами Ломакин. – Так мы потеряем всю ночь, а уже не за горами рассвет... Замятин – в головной дозор, бегом марш! Не прошляпим мы ваших карателей, пан Пшиговский...

И снова смутные тени скользили по дворам и закоулкам. В этом старом районе, откуда жителей выдавили, похоже, давно, строения теснились как грибы. Большинство – разрушено, остальные заброшены. Дома невысокие, в два-три этажа, без архитектурных излишеств. Бойцы пробежали мимо вытянутого строения с выбитыми окнами. В здании недавно был крупный пожар. Сгорели все деревянные конструкции, но сохранился кирпичный первый этаж. Впрочем, не везде, в стенах зияли проломы. Часть стены была полностью снесена, под ней чернела воронка от снаряда. В этом месте группу Ломакина и поджидала крупная неприятность. Из-за угла вывалился Замятин и зашипел, подбегая:

– Товарищ капитан, засада, каратели цепью идут... Молча идут, суки, много их... Давайте сюда... – потянул он Ломакина к воронке у стены.

Они сползали, царапая кожу, скатывались в яму. Это был подвал, где все перемешалось – обломки досок, кирпичи, склеенные задубевшим раствором. Теперь это был подвал «открытого типа» – над головой отсутствовала крыша, гигантскую дыру обрамляли торчащие обломки кровельной конструкции. Порывистый ветер разогнал облака, и в дыру словно лампочка светила луна, озаряя яму мерцающим светом. Бойцы замерли в неловких позах, затаили дыхание. Яростно колотились сердца под поношенными пиджаками. Замятин медленно приподнял автомат, собираясь передернуть затвор, на него шикнул Ломакин: с ума сошел? Скрипели камни под ногами – каратели шли цепью с обеих сторон. Бренчала амуниция, сиплое дыхание вырывалось из глоток. Долетали обрывки фраз. Ломакин прислушался – а ведь по-русски говорили! Произношение южное, с Украины эти люди или с юга РСФСР – в принципе, совсем не важно!

– Федюха, мать твою, чего толкаешься? Двигай давай, пострел, чтоб тебя! Чего ты там завис?

– Смотри, какая дыра, Семеныч, – отвечал молодой голос. – А если там сховался кто? Крыся какая-нибудь со своими крысятами? Эти твари шляхские ведь во все щели лезут, везде норовят спрятаться – откуда мы их только не вытаскивали...

Прогремела очередь. С края ямы посыпалась земля с щепками. Ломакин, пытаясь сохранить выдержку, закрыл глаза – хотя велик был соблазн сделать хоть что-то!

– Гранату брось, Федяня, – посоветовал старший голос, – тогда спокойнее станет на душе.

Капитана Ломакина бросило в жар. Скрипнул зубами Ложкин, напрягся – паренек уже изготовился куда-то катиться, в кого-то стрелять...

– Жалко гранату, – поразмыслив, сообщил молодой.

– Жалко – не бросай, – рассудительно изрек Семеныч. – Все равно там нет никого, ну, убьешь пару крысят – их что, меньше станет? А граната может пригодиться в умном деле. Сам прикинь, младой, граната нужна, а у тебя ее нет ни хрена, и что тогда, подыхать ни за хрен собачий?

– Какой ты умный, Семеныч, – похвалил молодой пособник фашистов и сплюнул: – Ладно, живите, крысята... – и цепь проследовала мимо.

– Ну все, вылезим из этой сортирной ямы, – процедил Ломакин. – Прошли, больше не вернутся...

Но это оказалась лишь первая цепь – черновая зачистка! Едва члены группы стали выбираться из этой «братской могилы», как раздались возбужденные крики! Вторая волна карателей шла за первой! «Стоять!» – кричали по-русски. «Хальт!» – вопили по-немецки. Приближалась шеренга солдат в темной униформе – все вооружены до зубов. Непростительная ошибка! Пан Пшиговский охнул и задом пополз обратно. Солдат было много, ужасающе много! Откуда они взялись? Да еще проклятая луна нарисовалась – не сотрешь!

«Не стрелять!» – прохрипел Ломакин. Пока еще сохранялся бледный шанс обмануть карателей. Но Замятин с Ложкиным уже ударили из автоматов – с дикими воплями, с всепобеждающим русским матом! Те дружно разбежались кто куда, а несколько тел остались лежать невнятными бугорками. Ломакин скатился обратно в яму, чувствовал, что сейчас начнется! Почему он так бездарно запустил ситуацию? Что хотел доказать? Бойцы в каком-то хаотическом беспорядке прыгали в яму, заползали как можно дальше под дом. Оружие каратели учинили огненную свистопляску. Пули взрывали землю, топали сапоги. «Попались, суки!» – визжала солдатня. Кто-то швырнул гранату – она взорвалась, не долетев до ямы. Затеялась яростная перебранка – какой придурок кинул, своих же посечет!

– Товарищ капитан, что делать? – спросил, подползая, Замятин. – Взяли нас на арапа, падлы, хана нам... Вы только скажите, товарищ капитан, мы до последнего отбиваться будем...

– Не стрелять... – выдавил Ломакин. – Пока не стрелять... Мне от ваших трупов, сержант, никакого навра...

Где он допустил эту глупую ошибку? Почему потянул резину?

Дом окружили в течение минуты. Больше гранат не бросали, спорили о чем-то. Глухо молился пан Пшиговский – он так и знал, что сегодня придет его смертный час!

– Товарищ капитан... – подтягиваясь на локтях, сдавленно прошептал Ложкин. – Я рацию выронил с перепуга, она в яме осталась...

Потерю Ложкина, похоже, нашли, далеко не скатилась – зацепилась за что-то лямка вещмешка. Послышались возбужденные вопли, посыпалась земля, кто-то выволок радиостанцию на поверхность.

– Герр лейтенант, да это рация! – завибрировал взволнованный голос. – Лазутчики под домом, жиды краснопузые, мать их за ногу! Это точно красные, матерились, как и мы!

– Солдаты, не стрелять! – прогремел командирский голос. – Выкурим этих тварей, живыми возьмем!

– Да хрен они меня возьмут живым!.. – Замятин так заскрипел зубами, что, кажется, сломал один.

– Держите, козлы! – заорал сержант, выпуская очередь. Куда он мог попасть? Только в склон, с которого осыпалась очередная порция земли. Забыл, что нельзя из «МР-40» стрелять длинными очередями. Автомат моментально перегревается, и держать его невозможно. Замятин вскрикнул, отбросил от себя раскалившуюся железку. Снаружи похабно гоготали, но приказ выполнялся – огонь не открывали. Хотя могли аккуратно бросить еще одну гранату, ее бы наверняка хватило.

– Товарищ капитан, сюда ползите... – вдруг зашипел Ложкин. Он рылся в дальнем краю воронки. – Тут еще один подвал... Или шахта с канализацией, хрен ее поймет, сейчас проверю...

Сержант трудился, как землеройка, расшвыривал землю, разламывал створ какого-то люка – и вдруг начал пропадать! Сначала исчезла голова, потом в неведомую бездну погрузились плечи, часть груди. Надежда – как ее не хватало в этот непростой момент! Пан Пшиговский, отталкивая Замятина, пополз к Ложкину, получил пяткой по плечу, но не утратил пыл.

– Панове, мы уйдем... – бормотал он, – это старые кварталы, здесь под землей большая сеть шахт канализации... нам бы только добраться до горизонтального штрека... он должен быть рядом...

– Солдаты, не стрелять! – прокричал на чистом немецком Ломакин. – Работает германская разведка абвера, и все военнослужащие обязаны беспрекословно выполнять указания ее сотрудников! Повторяю, работает германская разведка абвера!

– Правильно, пан капитан, правильно, отвлекайте их... – закричал Пшиговский. – Не знаю, что вы говорите, но все правильно, пусть поломают головы...

Снаружи стало как-то тихо.

– Товарищ капитан, что за хрень? – прошептал Замятин. – Вы же ни бельмеса по-немецки... Что вы сейчас крикнули?

– А вот это, мой друг, не твое собачье дело... – пробормотал Ломакин. И тут неожиданно в его руке оказался пистолет «ТТ», и грохнул выстрел. Замятин, не успев изумиться, откинулся на спину, стал давиться кровью.

Пшиговского словно молния пронзила, он замер в скрюченной позе, глаза вывалились из орбит.

– Пан капитан, что вы де... – договорить он не успел, получив пулю в лоб!

Ложкин уже протиснулся на полкорпуса в яму, как-то замер, словно почувствовал беду. А ведь еще немного, и ушел бы в подземелье, к чертовой русской матери! Ломакин несколько раз выстрелил ему в живот. Ложкин скорчился от вспарывающей боли, потом какое-то время мелко подрагивал и наконец отмучился. Вдруг начал извиваться Замятин, плевался кровью, проглатывал матерные слова. Он попытался дотянуться до пистолета, но Ломакин выбил пистолет ногой.

– Товарищ капитан, что вы творите... – выдавил Замятин вместе с кровью.

– В оврагах твои товарищи догнивают, – процедил Ломакин, – да в трубу Аушвица вылетают... – Он снова дважды надавил на курок и выстрелил в сержанта. Дождался, когда затихнет агония, потом наострил уши.

Каратели помалкивали, явно заинтригованные.

Ломакин откашлялся, снова выкрикнул по-немецки то, что уже говорил, и добавил на русском, учитывая национальную принадлежность присутствующих:

– Солдаты, не стрелять, когда я выйду! С вами говорит сотрудник немецкой разведки, я выполняю указания полковника Алекса фон Ритхофена и майора Кристиана Гайдриха! Вы должны немедленно доставить меня в отдел разведки 9-й армии! Повторяю для тупых и плохо

слушающих! Я не советский шпион! Все шпионы убиты мной, можете убедиться! Я служу великой Германии и требую уважительного к себе отношения!

– Так вылезай, посмотрим, что ты за гусь такой... – неуверенно пробормотали снаружи.

Он выполз на карачках из воронки – грязный, как черт, весь забрызганный кровью, – отбросил пистолет и поднял руки, демонстрируя, что не вооружен. На краю воронки стояло не меньше десятка вооруженных личностей – в черной униформе зондерполка «Дирлевангер», увешанные оружием, боеприпасами. Лица смутно очерчивались в ночи, солдаты таращились на него, у многих явно чесались кулаки врезать по рылу этому «сотруднику», но бить остереглись, окружили, обхлопали со всех сторон. Какой-то юркий боец спрыгнул в воронку, на четвереньках забрался под дом.

– Герр гауптман! – выкрикнул он через минуту. – Этот парень в натуре всех своих пострелял – три «жмура» в наличии! Может, и не врет, а, герр гауптман?

– А может, просто жить хочет и будет нам тут баки вколачивать? – зловеще прогудел в спину какой-то любитель блатной лексики.

– Я не могу назвать свою фамилию! – взволнованно выкрикнул Ломакин. – Но я только что прибыл из тыла Красной армии и требую доставить меня в штаб 9-й армии вермахта! Меня там знают! Если все сделаете правильно, получите поощрение!

– Да шел бы ты со своим поощрением... – презрительно сплюнул другой боец. – Слышь, братва, – обратился он к остальным, – лично мне плевать, что это за крендель с горы, я бы пришел его на месте – не хрена тут лазить ночами да вмешиваться в наши операции... Мутный он какой-то, братцы, ерша, поди, гонит...

Дискуссия продолжалась недолго. Офицер у местной братвы был из немцев – достаточно сносно изъясняющийся по-русски.

– Задержанного не бить! – скомандовал он картавым голосом. – Буниченко, Рывак, Кузьминок, доставить задержанного в Трибор! Да поглядывать за ним, чтобы не сбежал! Связать ему руки – надеемся, господин лазутчик не будет возражать?

Под злорадный гогот Ломакину стянули руки ремнем. Трое окружили его, погнали в глубину дворов. Шли быстро, плотно окружив «мутного» арестованного. В принципе, не били, но каждый раз, когда он спотыкался и матерился, его хватали за шиворот и гнали дальше.

– Гляди-кось, Олесь, – бурчал в спину каратель, – по-москальски чешет на одних матерках – да русский он, какой еще? Заправляет нам от фонаря, что из военной разведки, а сам ведь русский, падла...

– Ты тоже русский, – огрызнулся Ломакин, – или украинский, хрен тебя разберет. В Красной армии служил, признайся? Тебе, выходит, можно?

– Ага, нам можно, – заржали каратели. – Оступились по неосознанности, запутались, насильно забрили во вражье войско к коммунистам. Давно искупили свою вину, верой и правдой служим великому рейху... А ты кто такой, падла, чтобы нас судить?

Ломакин перестал отвечать, не реагировал на обидные тычки и лишь злобно пыхтел. Его прогнали темными, уже зачищенными дворами, вывели на дорогу, где стояла автоколонна. Большинство домов на этой улице было разрушено. У зачехленных грузовиков сновали тени солдат. Из темноты доносились одиночные выстрелы, кто-то смеялся, с надрывом верещала женщина. Несколько карателей за ноги вытаскивали из развалин тела, бросали у обочин. В основном женщин – некоторые еще стонали, но выстрелы мгновенно обрывали стоны и мольбы о пощаде...

Ломакина подтолкнули к машине, он самостоятельно и весьма проворно забрался в кузов. Машина была пустая, только на полу поблескивала лужа засохшей крови. Пахло, как в покойницкой провинциального морга, куда давно не завозили хлороформ. «Сидеть и не шевелиться», – предупредил охранник, оставшийся снаружи. Остальные ушли договариваться. Вопросы здесь решались сумбурно и долго. Ломакин тяжело дышал, трещала голова. Яростно

чесалась спина, но он не мог ничем себе помочь – руки были связаны ремнем в запястьях. Снаружи потрескивали выстрелы, что-то падало в руинах, перекликались каратели, которые перед выходом на дело, похоже, приняли на грудь. Ломакин терпел – еще и не такое приходилось терпеть. О том, как собственноручно расстрелял членов своей группы, он не думал – обычный эпизод в бесконечной кровавой бойне. Кто свои, кто чужие – все смешалось и стало незначительным. Идеологические установки его мало трогали. Убивать приходилось и чужих, и своих – всякое случалось на войне. Тот же патрульный на разбитой набережной – пришлось убить, чтобы не выдать себя раньше времени. Закричи, что он из абвера, – тупость несусветная. Патрульным до лампочки, а свои бы точно прибили – у Замятина с Ложкиным отличная боевая подготовка. Была...

Вопросы, к пущей радости, видимо, решили. В кузов забрались два плечистых гаврика, приказали пересесть дальше, к кабине, сами развалились у края. В кабину прыгнул водитель, завел мотор. Охранники опустили полог, закурили вонючие немецкие сигареты «Oberst». Машина рывками разворачивалась, наезжала на какие-то препятствия, шофер матерился с густым украинским акцентом – водительского мастерства ему явно не хватало. Дальше была дорога. Несколько минут по прямой, при этом рессоры с подвесками подвергались нештучным испытаниям, потом сворачивали в узкие переулки, снова выезжали на прямую дорогу. Проезжая часть расширилась за счет трамвайных рельсов. Снова проулки, сполохи пожаров. Район был безопасный – противников режима уничтожили или вытеснили. Дважды патрульные проверяли документы, разрешали проезд. Заскрежетали стальные ворота, машина въехала во двор. Здешние обитатели говорили по-немецки и никак не могли взять в толк, за каким дьяволом сюда пожаловали эти гости из «Дирлевангера»? Каратели что-то объясняли на ломаном немецком, тыкали пальцами в задержанного. Это было огороженное высоким забором здание «тюремного типа» где-то в недрах центра Варшавы. Периметр охраняли солдаты Ваффен-СС. Ломакину приказали выгружаться. Он вылез, выворачивая руки, и с трудом устоял, когда спрыгнул. Охранник прижал его к стене. Второй куда-то уволокся. Несколько минут пришлось наслаждаться местными видами. Кирпичная ограда с колючей проволокой, провода с изоляторами, охранные вышки по углам периметра. Просторный двор, мощный булыжник, трехэтажное здание из красного кирпича – монументальное, старое, покрытое маскировочной сеткой, которая свешивалась с крыши. На окнах решетки, несколько подъездов. Грузовики в дальнем углу, силуэты часовых. Улица Войковская, сообразил Ломакин, район Трибор. Здесь раньше находилась тюрьма жандармерии и тайной полиции рейха. Во дворе зловещего здания постоянно кого-то расстреливали, тела увозили грузовые машины со специальными прицепами. Здесь и нынче тюрьма, черт возьми!

– Эй, служивый, здесь не штаб 9-й армии? – проворчал он.

– Отвали! – буркнул охранник. – Радуйся, что хоть сюда привезли, а не шлепнули по дороге.

Из крайнего подъезда автоматчики выгнали мужчин в партикулярном платье. Они мялись посреди двора, зябко поводили плечами. Место действия освещал прожектор. Обычные гражданские, не первой свежести, небритые, изнуренные. Их прикладами загоняли в нишу между подъездами. Люди не сопротивлялись, им было все равно. По команде все шестеро встали лицом к стене. Гавкнул офицер, расстрельная команда вскинула карабины. Нестройный залп – и пятеро упали, а шестому пуля не досталась. К нему подошел офицер и выстрелил в затылок из пистолета. Потом произвел еще один выстрел – шевелился кто-то из расстрелянных. Солдаты забросили карабины за спины и удалились за угол. Офицер, упрятав пистолет в кобуру, потащился за ними – досыпать. Из-за угла появилась подвода, запряженная лошадьми. Видимо, с горячим у рейха стало совсем тяжело. Какие-то люди, возможно, те же заключенные, чей час еще не пришел, затаскивали тела на подводы. Мертвых убирали оперативно, чисто-плотные немцы не любили заразу. От крайнего левого подъезда донесся окрик. Встрепенулся

страж Ломакина, стал подталкивать его в спину. Ломакин нервничал. Не такой представлялась ему встреча с «кураторами». У русских научились бардаку и волоките? Навстречу вышел офицер – в небольшом звании, но все равно офицер! Каста, элита, порода! Охранник бегло заговорил, путая русские и немецкие слова. Офицер нетерпеливо поморщился – ему явно было не до этого. Задержанного толкнули в спину, направляя к лестнице. «Наверх!» – бросил конвоир. Это крыло освещалось крайне скудно, он на лестнице чуть ноги не переломал! Второй этаж, узкий «аппендикс», крохотная «одиночка»... Жизнь научила терпению. Ломакин скрипел зубами, но молчал. Только перед тем, как развязали руки и втокнули в камеру, произнес заготовленную сакральную фразу:

– Я – сотрудник германской разведки, имею срочное сообщение для полковника Ритхофена и майора Гайдриха. Пусть придут за мной или кого-нибудь пришлют. Я больше года находился на задании в русском тылу.

Конвоир что-то буркнул – дескать, не мое собачье дело, и дверь захлопнулась.

Давили стены. Нары узкие, жесткие, из белья – соломенный матрас и облезлая подушка. Узкое окно с массивными прутьями решетки – оно выходило в нишу, залитую кровью, просто замечательно! Благодетели, чтоб вас! Блеклый свет от прожектора озарял булыжные плиты, дальнюю ограду из толстой кирпичной кладки, кусок сторожевой вышки. Охранники, позвякивая амуницией, шатались по двору. Ломакину становилось не по себе. Что за хрень? Или все нормально? Не станут все службы срываться с места, если каждый подозрительный тип будет объявлять себя сотрудником разведки. Им больше нечем заняться, когда все вокруг горит огнем, в Варшаве пылает восстание, в ворота стучится Красная армия, а в рейхе – ни людских, ни материальных резервов, и скоро все обрушится к той самой чертовой матери? К военной разведке у руководства рейха больше нет доверия. После мятежа 20 июля прошло почти полтора месяца. Клаус фон Штауффенберг и прочие заговорщики давно расстреляны. Адмирал Канарис под арестом, и его причастность к заговору тщательно проверяется. Военную разведку перевели под крыло РСХА, и теперь она частично подчиняется руководству Главного управления имперской безопасности, то есть людям с погонями СС... Может, все правильно, и он не пуп земли? Требуется время для выяснения личности, для передачи информации Ритхофену и Гайдриху, о судьбе которых он ничего не знает уже полгода...

Безобразные мысли витали в голове: а если его руководство тоже арестовано в связи с заговором 20 июля? Ведь хватало многих, особо не разбирались. Теперь и его под шумок – какими бы важными сведениями он ни обладал...

Ломакин перестал терзаться, впал в состояние транса. Метаться по камере не было смысла. Его не расстреляли, не бросили к смертникам или другим заключенным, а поместили в относительно сносные индивидуальные условия. Потом извинятся, он стерпит...

И все же ночью было хреново. Спал урывками. В глухой тюремный двор залетали звуки из города. Снова грохотали взрывы, в темном небе отражались отблески пожаров. Пару раз гудели самолеты. Вокруг Варшавы кружили немецкие бомбардировщики и штурмовики. Иногда появлялись самолеты английской авиации, управляемые, как правило, поляками, – сбрасывали восставшим продовольствие, оружие и тут же спешили убраться, пока не подбили. Пользы от этих «посылок» было немного: информация для пилотов запаздывала, груз сбрасывали в места, уже зачищенные от мятежников, и доставался он немцам или их клеветам. Тем самым создавалась видимость, что восставших не бросили, о них заботится польское правительство в изгнании...

Шумели машины – въезжали во двор, выезжали. Несколько раз гремели выстрелы. Перед рассветом Ломакин очнулся от гортанных воплей. В нишу под окном его камеры эсэсовцы загоняли несколько человек. Эти люди не были покорными овцами, как предыдущие, а сопротивлялись, осыпали конвоиров отборными русскими матами. Сыпались затрецины, работали приклады. Человек пять или шесть загнали в нишу. Ломакин из любопытства подошел к окну,

быстро выглянул и сразу спрятался. Кто знает этих косоруких – пальнут чуть выше, кого волнует, что там торчит любопытный глаз? Расстрельная команда была наготове и терпеливо ждала офицера, который задерживался. Под стеной стояли несколько человек – видимо, пленные красноармейцы. Пленных в этой летне-осенней кампании было немного, не сравнить с первыми годами войны, но всякое случалось – внезапные контратаки, локальные «котлы», нападения на передовые дозоры. Людям не везло, сопротивлялись до последнего, потом их либо уничтожали, либо брали в плен. Этим тоже не подфартило – не рассчитывали на такой конфуз. Они переминались у стены, сплевывали. Ломакин их не видел, но прекрасно слышал. Кто-то стонал от боли – видимо, душевно припечатали прикладом, кто-то глухо кашлял, потом перестал.

– Вот же, сука, стыдно-то как, мужики... – с отчаянием в голосе пробормотал один красноармеец. – Ну, как так можно, мы уже в Европе – так хотелось до конца войны дожить...

– Не убивайся, Серега, другие доживут, доделают за нас... – вздохнул второй. – Хотя действительно до тошноты обидно... Может, рванем на них, дадим еще кому-нибудь в рыло?

– А я уже дал, – похвастался третий. – Больше не могу, сил нет, парни... Вот, ей-богу, устал чего-то, колени трясутся, мочи не хватит. Да пошли они в задницу, все равно им хана!.. Заорал бы сейчас: мол, за Родину, за Сталина, да что толку, все равно не оценят...

– Скажите, а это больно? – с дрожью вопрошал молодой голос. – Нет, вы не думайте... Я просто боли сильно боюсь...

– Держись, Илюха, все нормально будет... Больно, но быстро, почувствовать не успеешь...

– А ты откуда знаешь, Серега? – спросил второй. – Тебя уже расстреливали?

Ситуация складывалась, мягко говоря, невеселая, но приговоренные к смерти сдавленно усмехались, заставляя удивляться расстрельную команду. Появился офицер, что-то каркнул вороньим горлом. «Прощайте, мужики, больше не увидимся...» «А хрен его знает, Серега, сейчас выясним...» Досмеяться не дали – ухнул нестройный залп. Солдаты беспорядочно перезаряжали, снова стреляли... Ломакин, согнувшись в три погибели, дотащился до нар, забылся беспокойным сном...

Глава четвертая

За ним явились перед рассветом. Заскрежетал замок в стальной двери. Арестанта пулей сдуло с нар, он стоял, покачиваясь, в узком проходе, шурился, тер глаза. Вошел запыхавшийся штабс-фельдфебель – офицер по поручениям. У него была порвана штанина в районе строчки галифе, и рассеченную бровь украшал отрезок пластыря.

– Хайль Гитлер! – сказал он, с подозрением смерив взглядом арестанта. Тот вытянулся, щелкнул стоптанными каблуками ботинок – что вышло глупо и неуместно. – Вы... «Болотник»? – Офицер сильно коверкал причудливое и явно не немецкое слово.

– Так точно, господин штабс-фельдфебель, – отозвался Ломакин, облегченно выдохнув. – Это мой псевдоним, полученный по окончании могилевской Абверштелле. Я направляюсь из вражеского расположения к полковнику фон Ритхофену, и очень жаль, господин штабс-фельдфебель, что случилась эта досадная проволочка...

Офицер по поручениям выразительно кашлянул, и Ломакин замолчал. Не время выражать претензии, когда вокруг такая свистопляска. Глупый псевдоним, но таким уж нарекли. Отцам-командирам в Абверштелле это показалось веселым. В славянской мифологии – злобный дух, хозяин болота, представлялся двояко: то обросшее жировыми складками грязное безглазое существо, то мохнатый громила с хвостом и длинными руками. Существо предельно неприятное, агрессивное, главное развлечение в жизни – заманивать людей в болото и там топить.

– Следуйте за мной, – распорядился штабс-фельдфебель. – Вас отвезут в район Вторица, улица Пшемьльская, там расположен полевой штаб 608-го полка вермахта. Вас ждут чины из военной разведки – они подтвердили, что вы, скорее всего, именно тот, за кого себя выдаете.

– Уж мне ли это не знать, господин штабс-фельдфебель, – рискнул дерзнуть Ломакин. – Мой непосредственный руководитель – полковник абвера Алекс фон Ритхофен, он полностью в курсе моей легенды и моего задания.

– Да, мы знаем, – не стал спорить порученец и посторонился: – Прошу на выход. Мы понимаем, что вы голодны, вам нужно помыться и отдохнуть. Все это вам предоставят, но, боюсь, прежде придется встретиться с вашим руководством.

Да кто бы возражал! Ходил немый, и еще походит! Щеголеватый командирский «Хорх» уже стоял у крайнего тюремного подъезда. Когда в сопровождении штабс-фельдфебеля и пары эсэсовцев Ломакин выехал со двора, в хвост пристроилась бронированная «Пума», оснащенная скорострельной пушкой. Район был под контролем рейха. Бульдозеры сгребали мусор с проезжей части, прохаживались патрули. Мелькала форма СС, мышинные мундиры солдат вермахта, простоватые суконные гимнастерки со скрещенными гранатами в петлицах – военнослужащие подразделений коллаборационистов. На перекрестках стояли бронетранспортеры, оборудовались пулеметные гнезда за мешками с песком. Колонна проехала мимо частично уцелевшего сквера, разрушенного католического храма, за которым стыдливо пряталась зенитная батарея. Среди развалин ковырялись гражданские, пугливо косились на людей с оружием. Со стен свешивались красно-черно-белые флаги со свастикой. Над зданиями с высокими черепичными крышами, с башенками-мезонинами, вычурными чердачными окнами висела серая дымка. Падали «осадки» из мелких частичек золы. Проехали крытый рынок с монументальным готическим фасадом – там грудились грузовые машины, солдаты снимали ящики с боеприпасами. В арке за полицейским участком, на углу улиц Пшемьльской и Кржевской, люди с повязками на рукавах кого-то нещадно били, а когда несчастный упал, стали добивать ногами. Из района за промзоной, где раньше располагалось варшавское гетто, поднимались клубы дыма. Сомнительно, что там еще остались евреи, хотя Еврейская боевая

организация продолжала действовать в задыхающемся городе – ее боевики возникали из ниоткуда, мстили оккупантам и растворялись в воздухе...

Машина дважды останавливалась у шлагбаума. Полицейские с нагрудными бляхами проверяли документы. Улица Пшемьльская была когда-то благопристойной, презентабельной, здесь жили состоятельные поляки, коммерсанты, духовенство. Сейчас половина домов лежала в руинах, остальные выглядели сносно, сохранились даже стекла в оконных проемах. Плотность людей с оружием в этом районе явно зашкаливала. Здание, где разместился штаб полка, окружали барьеры и мешки с песком. Лаяли овчарки. Пара соседних строений смотрелась убого – от них уцелел лишь минимум. Машины въехали на стоянку, пассажиры выгрузились, но направились не к главному крыльцу, а в обход здания, где имелся дополнительный вход, у которого дежурил целый выводок плечистых эсэсовцев в водонепроницаемых плащах и с мотоциклом «BMW-R-75». Штабс-фельдфебеля здесь знали, отдали честь и пропустили без проверки. На Ломакина покосились, но ничего не сказали...

В полуподвальном помещении, куда его доставили, сидели трое. Горела лампа накаливания, подключенная к армейскому генератору. Маленькое окно под потолком закрывали стальные жалюзи. На стене висела карта Европы с частичным изображением Советского Союза. Гитлеровский флаг, вытянутый стол, пара комфортных стульев, несколько обычных табуретов. В углу, скрестив на груди руки, сидел молодой лысоватый лейтенант с вытянутым лицом и рыбьими глазами. Закинув ногу на ногу, он явно любовался своими сияющими сапогами – верный признак, что из здания данный господин сегодня не выходил. Вдоль карты прохаживался плотный брюнет в мундире обер-лейтенанта, нетерпеливо постукивал указательным пальцем правой руки по перстню на левой. За столом, брезгливо оттопырив нижнюю губу и нахмутив лоб, сидел светловолосый гауптман и бегло заполнял форменный бланк. Он поднял глаза на Ломакина и произнес:

– Здравствуйте. – В голосе его явственно прослушивался холодок. – Да, это вы... – бегло переглянул он с присутствующими. – Мы успели просмотреть ваше дело... Выпускник могилевской школы подполковника Вагнера, способный ученик, так сказать, гм... Ничего, что я говорю по-немецки?

– Все в порядке, герр гауптман, – ответил Ломакин, – я изучал немецкий язык еще со школы...

– Напомните вашу фамилию. – Гауптман открыл его досье, как-то лениво полистал его.

– Шитов Николай Петрович. Зброшен в советский тыл под псевдонимом «Болотник», с документами капитана Красной армии Ломакина Алексея Борисовича... Имел справку, подтверждающую тяжелое ранение и лечение в подмосковном госпитале. Согласно справке, на полгода имел ограничения, связанные с участием в боевых действиях, и в этой связи был направлен в штаб 49-й дивизии – заместителем начальника дивизионной разведки, где имел доступ ко всей...

– Да, я вижу, вы восемь раз отправляли радиogramмы в отдел фон Ритхофена, предоставляли ценную информацию, которая в дальнейшем использовалась для борьбы с нашими врагами... Вы молодец, Николай Петрович, – перешел гауптман на русский язык – он был несовершенен, но вполне узнаваем. – Вы блестяще справлялись со всеми заданиями и заслуживаете поощрения от лица германского командования, которое, безусловно, получите.

– Я всячески извиняюсь... – Шитов с усилием сглотнул слюну. – Могу я поговорить с полковником фон Ритхофеном или его заместителем майором Гайдрихом?

– Мне очень жаль, Николай Петрович, но сейчас упомянутых вами людей нет в городе, они занимаются выполнением своих служебных обязанностей. Майор Кристиан Гайдрих уполномочил офицеров своего отдела провести с вами предварительную беседу. Лично с ним побеседовать и представить отчет вы сможете, думаю, не раньше вечера. К этому времени вы отдохнете. Рад представиться – гауптман Отто Венцель, отдел военной разведки 9-й танковой

армии, – сухо кивнул блондин. – Присутствующие господа – лейтенант Генрих Уде и обер-лейтенант Вольф Зейдеман.

Оба офицера тоже лениво кивнули.

– Послушайте, у меня есть важная информация, которая через пару дней может стать бесполезной, если ею сразу не воспользоваться... – зачастил Шитов. – Во-первых, это касается некоторых скрытных передвижений частей и подразделений 1-го Белорусского фронта русских в зоне действия наших 7-й и 19-й танковых армий... Во-вторых, я имею информацию об агенте советской разведки, действующем в нашем тылу под позывным «Шторм» – он имеет отношение к отделу зафронтовой работы контрразведки СМЕРШ – агент выдает себя за немца и раз в двое суток связывается по рации со своим руководством... Мне известна его фамилия, его персональные данные, но об этом я могу говорить только с непосредственным начальством...

– Надеюсь, этот парень не служит в немецкой разведке, – насторожился обер-лейтенант Зейдеман. – Это было бы логично, ввиду ряда неприятных событий, произошедших в недавнем прошлом, но в целом – невероятно...

– Настолько невероятно, что обсуждать эту чушь не имеет смысла, – поморщился Венцель и как-то с сомнением воззрился на третьего присутствующего – лейтенанта Генриха Уде, по лицу которого невозможно было понять, что его беспокоит.

– В-третьих, господин гауптман... – сбивчиво продолжал Шитов. – Вместе с нашей группой шестнадцать часов назад выступила группа некоего капитана Каляжного – опытного сотрудника советской разведки. Часть пути мы передвигались вместе. Они отправились на север, в район Жолибож. С Каляжным два разведчика и проводники из местных. Его задача – выйти в заблокированном районе на двух влиятельных представителей польского подполья, лояльного русским, и вывести их в безопасный район вне Варшавы. Эти двое очень важны для советского руководства. Они пользуются авторитетом у определенной части польского общества и представляют для германского государства серьезную опасность. Я примерно представляю, каким маршрутом они пошли. За сутки свою операцию они, конечно, не закончат...

– А вот это интересно, – признал Венцель. – Мы непременно сообщим в Жолибож, чтобы сделали все необходимое для поимки преступников. Что-то еще, господин Шитов?

– Да, я еще не закончил... – облизнул Шитов пересохшие губы. – Я получил приказ от полковника фон Ритхофена покинуть распоряжение советских частей и прибыть в Варшаву для получения нового задания – при этом предстояло проявить инициативу, чтобы это не выглядело как бегство или дезертирство. Формировалась группа для проникновения в Варшаву, и я воспользовался подходящим случаем... С нами шли два польских предателя, перешедших на сторону красной власти – Заремба и Пшиговский. Они должны были вывести нас на польских социалистов, которые, в свою очередь, обещали связать нас с руководством варшавского восстания... Адрес для связи: улица Новогродская, 34, квартира 20. Там проживает человек по фамилии Завадский, который служит в польской полиции порядка. Это его прикрытие, понимаете? Подразделение не участвует в опасных мероприятиях, занимается охраной, патрулированием и тому подобное. Это идеальное прикрытие, понимаете?

– Это тоже интересно, – оценил Венцель и что-то записал в блокнот. – Спасибо, господин Шитов, мы воспользуемся вашей информацией. Расскажите, каким путем вы проникли в Варшаву из советского расположения.

Агент повествовал лаконично, поэтому уложился в несколько минут. Про эпизод с устранением случайно подвернувшегося немецкого патруля он «деликатно» умолчал. Вопрос открытый – все ли может списать война. Венцель задумчиво почесал гладко выбритый «арийский» подбородок и задал вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.